

18+

Надежда Салихова

*Ведьма
с бобровой плотины*

Надежда Салихова

Ведьма с бобровой плотины

«Издательские решения»

Салихова Н.

Ведьма с бобровой плотины / Н. Салихова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608122-2

Большой семейный дом Паровозовых стоит на краю леса. За лесом — бобровая плотина — место странное и загадочное. Говорят, там живет ведьма. А может, это просто сказки? Тридцатилетняя Олеська Паровозова спешит в отчий дом встречать Новый год. Она загадает желание и... Только что она хочет? Она и сама не знает. Новогодние каникулы с веселой семейкой пройдут ярко, как целая жизнь. Старые друзья, болезненные видения и неожиданная встреча перевернут всю Олеськину жизнь.

ISBN 978-5-00-608122-2

© Салихова Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1 глава. Как известно бобры добры...	7
2 глава. Любовь и кашель не скроешь	11
3 глава. Потеря	15
4 глава. Жили-были слоники	18
5. глава. Вечер первого января	23
6 глава. Ревность	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ведьма с бобровой плотины

Надежда Салихова

© Надежда Салихова, 2023

ISBN 978-5-0060-8122-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ослепительная вспышка осветила пространство. Следом послышался сухой раскатистый треск. После этого повисла вязкая тишина. Затем вспышка и треск повторились. Олеська почувствовала, как тяжелые капли дождя бьют по затылку и плечам и открыла глаза. Буквально через минуту она промокла насквозь. Дождь хлестал мощными струями. Все пространство вокруг окутывала серая пелена. Накативший страх отступил, оставив место лишь маленькой тревоге. И та смешиваясь с любопытством, не напрягала, наоборот, завораживала. Олеська подняла руки вверх и наслаждением ощущала, как дождь стекает по рукам, щекочет подмышки. Капельки торопливо бежали по лицу, и с подбородка как с трамплина, падали на грудь. Где-то глубоко внутри, зарождалась, поднималась волна замирательного восторга.

Молнии сверкали почти не переставая. От оглушительных раскатов грома заложило уши. Шум дождя превратился в нескончаемый громкий гул, словно слившиеся в одну ноту крики болельщиков на стадионе. Олеська ничего не слышала и не видела вокруг. Через некоторое время она ощутила за спиной чье-то присутствие. Но обернуться у нее никак не получалось, тело словно перестало ей повиноваться. Олеська прислушалась к себе – нет, страха так и не было, а было ожидание чего-то хорошего. И не просто хорошего, а такое ощущение, как в детстве, накануне праздника, когда веришь, что чудо обязательно случится.

Олеська провела руками по лицу, отфыркиваясь от дождевого потока, и все-таки заставила себя повернуться. Сквозь пелену дождя увидела мельком чье-то лицо, но оно тут же растаяло. Растворилось среди бушующих струй, льющихся с неба. Она не успела разглядеть, кто это был, но поняла, что этот кто-то очень важный для нее человек. Да, она его знает, и знает достаточно хорошо, но вот вспомнить – нет, это ей не удавалось. И вот, очередной удар грома, и все стихло.

Олеська недовольно замычала и уткнулась лицом в подушку. И прошептала несколько нелестных слов в адрес соседей, которые вышли на улицу с репетицией новогодних салютов чуть ли не на сутки раньше положенного. Она потянулась к телефону, лежащему на стуле. Цифры на дисплее показывали 5:01, еще спать и спать. Олеська перевернулась на другой бок, натянула одеяло на голову и крепко уснула.

1 глава. Как известно бобры добры...

Олеська мелко семеняла, боясь поскользнуться и рухнуть с моста. В этом месте надо вообще идти осторожно, медленно, тем более в ее-то модных ботильонах, надетых явно не по сезону. Но что поделаешь – красота требует жертв. Праздник к нам приходит, звенит бубенцами, и даже в условиях сурового Уральского климата хочется выглядеть элегантно Снегурочкой, а не закутанной Снежной бабой. Конечно, надо было брать такси! Денег пожалела... Олеська себя ругала последними словами.

Скупость взяла верх над комфортом. Таксисты в праздничные дни двойной тариф ломают, а чтобы добраться в тот медвежий угол, где они решили встретить Новый год, и вовсе тройную цену возьмут. Больно там подъезд неудобный, даже местные, и то, остерегаются на легковушках ездить, у всех поголовно внедорожники. Можно было и попросить кого-нибудь за ней машину прислать, но кажется, все уже приняли по пять капель в честь праздника. Можно было одеться в соответствии с погодой и местностью, а праздничный прикид с собой взять. Но это значит тащить еще больше. А ее сумки и так оттягивали руки – Олеська несла к праздничному столу пять бутылок своей фирменной настойки и кастрюльку салата с ананасами.

Бутылки хрустально звенели в такт шагам и напоминали об осторожности в передвижении. Наконец, Олеська аккуратно скатилась по припорошенным снегом досочкам моста, и ухватилась за перила. Мостик был дурацкий – длинный деревянный настил, который начинался задолго до самой речушки, и, пролегая над топким болотистым берегом, не имел перил, они начинались лишь в том месте, где мост нависал непосредственно над водной гладью. Но в гололед места, лишённые перил были опасны. Скатайся с мостика, не в речку конечно, а в сугроб, но приятного мало, так как под снегом неизвестно что тебя ожидает.

Железо перил холодило сквозь кожаные перчатки. Но Олеська, не смотря на холод, крепко держалась за перила и сосредоточенно смотрела под ноги. Поэтому не сразу заметила смешного зверька, сидевшего прямо рядом с мостом, перед полыней. А как увидела, так чуть сумку не выпустила из рук. У зверька был коричневый мех и плоский голый хвост. Два передних зуба воинственно торчали изо рта. Лапки были розовые, похожие на маленькие ладошки – зверек держал их перед собой.

– Ой, ты, батюшки! – засюсюкала Олеська, словно перед ней был маленький ребенок, – И кто это у нас тут такой красивый? Она поставила сумку и поспешно вытащила телефон. Только бы камера не подвела! Но в этот раз телефон не капризничал, и видео получилось на славу. И зверек вел себя, словно топ-модель – не убежал, а сидел себе спокойно, выставив сжатые в кулачки лапки, и тихонько попискивал.

– Ты, дружок, хочешь мне что-то сказать?

В ответ зверек еще сильнее запищал.

– Интересный у нас разговор получается, – Олеська совсем развеселилась, – Только жаль, не понимаю я ничего.

Она перегнулась через перила и вытянула вперед руки, чтобы заснять зверька как можно ближе. Но тот громко пискнул и нырнул под мост, хлопнув хвостом по воде словно веслом. Олеська почувствовала, что руки уже ломит от холода, поскорее убрала телефон в карман и продолжила путь.

Последние метры она преодолевала на автопилоте – коленки замерзли, пальцы ног она почти не чувствовала. Да и руки в перчатках никак не могли согреться. Это была конечно глупая затея, столько времени голыми руками держать телефон на морозе, но уж больно хотелось заснять этого смешного зверька. Интересно, кто это?

А Олеську уже ждали. Едва она, стуча зубами, перевалилась через порог, ее встретил нестройный хор голосов, ликующих, ворчливых, сочувствующих:

- Ну, и где тебя носит? Одну тебя ждем...
- Не, ну это нормально – задержаться с такой благословенной ношей?!
- Лесь, замерзла, бедняжечка! Иди сюда скорее.
- Балда! Ну же хватило ума так вырядиться в мороз!
- Все-все-все! Садимся за стол!

Это кричала и хлопала в ладоши Лена, хозяйка большой избы, стоящей на самом краю села. Этому дому было не менее ста лет, и достался он Ленке по наследству от прабабки – сельской школьной учительницы. По наследству от прабабки Ленке – Елене Петровне – досталась и профессия. Она так же преподавала в сельской школе. Но не как прабабка – где жила, там и учила ребятшек. Нынче на селе школа, такая же, как и в городе – три этажа, большие светлые окна, спортзал, стадион, библиотека и школьные мастерские.

Наконец, произнесли первый тост, опрокинули рубиновую душистую настойку и застучали вилками, поглощая разнообразные салаты – традиционный оливье, народную «селедку под шубой», Ленкину фирменную «Мимозу». Наташка приготовила какой-то новомодный, нашла рецепт в Интернете. Народ, занятый едой слегка притих, и Олеська поспешила поделиться новостью.

– Что я вам сейчас расскажу! – она торопливо проглотила кусок селедки из «шубы» и полезла за телефоном – Вот, смотрите, кого я встретила, когда шла сюда!

Народ заинтересовался, телефон с видео пошел по рукам.

– Ба, так это же бобер! – сказала всезнающая Ленка. Профессия учительницы наложила отпечаток – она всегда все знала, а если не знала, говорила с такой уверенностью, что ни у кого не возникало сомнения в ее компетентности по данному вопросу. Ленка – Елена Петровна – тут же начала рассказывать какие-то факты из жизни бобров, и утверждать, что этот случай – уникальный.

– Вообще-то, у нас тут бобры не водятся, – категорично заявила она – Если бы ты просто рассказала, и не предъявила вещественное доказательство в виде этого ролика, я бы тебе не поверила!

– Ну как не водятся? – загудел дед Василий, приходящийся Ленке родным дядей, – Вон, ниже по течению, у леса, часто бобров можно встретить. А если чуть дальше углубиться, то можно и плотину увидеть, что они построили. Но там народ редко ходит, место топкое, кустарником заросло.

– Ну, так то там, у леса, а то здесь. Здесь-то бобер что делал?

– Олеську, наверное, подждал, – хохотнул Вадик, давний знакомый семьи Паровозовых, вечный друг-недруг Олеськи. В детстве он любил изводить мелкую, как он называл Олеську, с возрастом это «увлечение» у него несколько поутихло, но шпильки и подколы в ее адрес от Вадика прилетали часто.

– Он же с ней разговаривал, поди просил настоячкой угостить, а она, глупая, не поняла ничего. И будет теперь этот бобер нашей Олесеньке в страшных снах являться. Пока она его не задобрит, и стопарик с настойкой под мост не поставит.

Вадик засмеялся над своей, как ему казалось, удачной шуткой. А Елена Петровна, верная своей учительской привычке, снова хлопала в ладоши, привлекая внимание.

– А давайте устроим небольшую викторину про бобров. Рассказывать можно на разные темы – хоть книжки или фильмы вспомнить, хоть научные факты или географию обитания, повадки этих животных, кто что знает.

– А скороговорку можно? – спросила Наташа, – Мы с Машенькой недавно скороговорку выучили, как раз про бобров. Ну, Машуля доченька, давай. Помнишь? Подсказать тебе?

Шестилетка Машка, вынырнула из-под стола, где потчевала забежавшего под шумок со двора Тобика сырокопченой колбасой. Лишенная переднего зуба, она шепелявила больше обычного.

– Не надо помогать, я шама,
Машка вытерла жирные от колбасы руки о платье, встала в позу и начала декламировать:
Как ижевшно бобры добры,
Добротой бобры полны.
Ешли хочешь шебе добра,
Надо прошто пожвать бобра.
Ешли ты беш бобра добр,
Жначит шам ты в душе бобр.

– Прелестно, прелестно! – захохотал Лев Львович, профессор математики, – Чудный ребенок, чудная скороговорка!

Данька, профессорский внук, скривился – ему было обидно, что эту пигалицу все хвалят, а на него никто даже и внимания не обращает. Эх, и зачем это деду приспичило ехать в эту деревню! Скукотища... И даже телек никто не включит. А дед не разрешил взять подаренный смартфон. Смысл тогда было такой подарок делать, если им воспользоваться нельзя? Но все присутствующие действительно с умилением смотрели на малышку, и просили повторить скороговорку. Машку упрашивать было не надо – она любила быть в центре внимания и ничуть не стеснялась своей шепелявости.

А потом народ стал разбирать сам текст прочитанной Машкой скороговорки, что добавило веселья.

– А Олеська-то у нас не просто так бобра встретила – доброй стать захотела.

– Да ладно, она у нас и так добрая! Чего вы на нее напали.

– Ага, добрая! Значит она бобр!

Олеська сначала смеялась вместе со всеми, но потом ей надоело, и она попыталась переключить тему разговора. Но кто бы что ни говорил, так или иначе разговор сводился к бобрам и, соответственно, к Олеске. К тому времени все уже были подогреты Олескиной настойкой и градус веселья слегка зашкаливал.

Олеська обиделась. Она ушла в дальнюю комнату и завалилась на кровать, на которой лежали сложенные кучей куртки, пальто и шубы гостей. Укрылась чьей-то длинной шубой и уткнулась в мохнатый воротник. Закрыла глаза, и ей показалось, что она крутится на карусели. «Странно, – подумала Олеська. – Неужели я такая... пьяная? Почему-то потолок кружится... А они все бессовестные. Я им такой интересный случай рассказала, а они лишь смеются. Это все Наташка со своей Машкой! Бобры-добры. А может они и не добры вовсе...»

Но, вспомнив сегодняшнего зверька, Олеська хихикнула – ну как такой милый бобрик может быть не добрым – он очень даже добрый. Что-то там лопотал по-своему. Жаль только, что ничего не понятно. А интересно, можно выучить бобровый язык? Или бобриный?

Тут пол скрипнул, будто кто-то зашел в комнату. Олеська приподнялась на локтях, но никого не увидела. А через полминуты в углу разгорелся бледно-желтый свет – стоящая на столе лампа зажглась сама собой. И в этом бледном свете Олеська разглядела сегодняшнего знакомца – бобер, переваливаясь, проковылял на задних лапах к кровати, а его плоский хвост волочился за ним, издавая звук, словно кто-то тащил по полу мокрую тряпку. Он сложил передние лапки в молитвенном жесте перед собой и заговорил:

– Олеся, ты не должна обижаться на своих друзей. Они просто ничего не знают, а ты знаешь. Ты – добрая девушка. И значит ты – бобр. Ты принадлежишь нашему роду, и это принесет тебе счастье. Главное только, чтобы у тебя были крепкие зубы.

– Зубы? – переспросила Олеська, – А почему именно зубы?

Ее не смущало, что бобер говорит человеческим языком, а вот вопрос о зубах заставил поволноваться. А вдруг они и правда не достаточно крепкие? Она ведь так давно не была у стоматолога. А может ничего страшного? Надо только выяснить, для какой цели нужны крепкие зубы.

– Ну, как же – укоризненно покачал головой бобер, – Зубы для бобров очень важны. Мы ведь перегрызаем деревья. Большие деревья.

– И мне надо будет перегрызать деревья? – ужаснулась Олеська.

– Конечно!

– Но я ведь человек...

– Ты – бобр. Потому что ты добра. Смотри, ты должна делать вот так, – бобер подскочил к ножке стола и мигом ее перегрыз. Лампа со звоном покатила на пол.

– Попробуй! – крикнул ей бобер, – У тебя обязательно получится. Или попроси, чтобы тебя научила она!

Вместо бобра на полу оказалась Машка. У нее изо рта торчали два длинных и острых зуба. Она бухнулась на коленки и моментально перегрызла вторую ножку стола. А потом метнулась к окну, с треском распахнула его и выскочила во двор. Подбежала к растущей рядом с домом большой елке и начала грызть ее. Машкины зубы работали ничуть не хуже, чем бензопила, еще чуть-чуть, и дерево завалится на бок. Олеська от страха закрыла глаза. И тут она почувствовала, как кто-то трясет ее за плечо.

– Лесь ты чего? Мы тебя потеряли... Ты обиделась, что ли? Да плюнь на них, на дураков...

Олеська открыла глаза и увидела сидящую на краю кровати Ленку – Елену Петровну.

– Айда, там пельмени стынут. Сейчас поедем, и гулять пойдем. Дед Василий обещал бобровую плотину показать. Я тебе там одежонку подобрала, да пимы батины, чтобы ты в своих моднявых ботильонах да колготках не окочурилась на морозе.

Елена Петровна, конечно, была учительница, но и местным фольклором она владела виртуозно.

2 глава. Любовь и кашель не скроешь

Прогулка до бобровой плотины всех взбодрила. Народ пришел веселый и голодный. Олеська перестала дуться на друзей и на их подколы, что, мол, пришли в гости до Олеськиной родни. И когда на ее фразу: «Ой, как есть-то охота!» Вадик протянул ей прутик, прихваченный Машкой из леса, лишь засмеялась и запустила в грубияна снятым с ноги большущим валенком. Вадик увернулся, и валенок, описав дугу, попал в деда Василия. От неожиданности тот едва на ногах удержался. Обернулся и погрозил пальцем Олеське:

– Ты чего разошлась? Так, Лесе больше не наливать, она уже буйная.

– Никакая я не буйная! – оправдывалась Олеська, – Этот противный Вадька меня провоцирует.

– Эх, молодо-зелено, любовь-морковь, – покачал головой дед Василий.

– Какая любовь, дед?! И с кем – с этим Вадечкой? – возмутилась Олеська, и показала Вадику язык.

– Ага, – меланхолично отозвался дед Василий – Сначала хиханьки-хаханьки, а потом... Любовь и кашель не скроешь, так говаривали умные люди.

Вадик состроил страшную рожу и громко заржал. Но поперхнулся и закашлялся. Да так сильно, что не мог остановиться. Его хлопали по спине, а невозмутимая Елена Петровна принесла воды.

– Вадик, твои идиотские шутки до добра не доведут,

– Угу, – буркнул Вадик из-за кружки и снова кашлянул.

– Да пей уже спокойно! – прикрикнула Елена Петровна, – Тридцать лет с хвостиком, а все как ребенок себя ведешь. Напился? Свободен! Народ, айда за стол пельмени есть. Сейчас Старый год проводим, а потом еще успеем хороводы у елки во дворе поводить. До речи Президента.

При слове «ёлка» Олеська слегка вздрогнула – видение из мимолетного сна не отпускало ее, казалось, что дерево все-таки упало. Но на самом деле большая ель, посаженная около сорока лет назад, когда Елена Петровна была совсем малышкой, величественно возвышалась во дворе. На ней сверкали и переливались разноцветные лампочки. Дед Василий не изменял семейным традициям и на каждый Новый год вешал на ёлку гирлянду, чуть ли не ровесницу самой ёлочки – как сделал ее собственноручно, будучи студентом ФизТеха, так до сих пор этой гирляндой и пользовались.

После хороводов самолепные пельмени несколько улеглись в желудках, и народ готов был к дальнейшему празднованию. Димка, Натальин муж, колдовал с ноутбуком, настраивая его, чтобы посмотреть онлайн-трансляцию новогоднего обращения Президента. Непоседа-Машка скакала по комнате и требовала для себя фужер под шампанское, куда она тоже положит бумажку с желанием. Данька забыл недавние обиды, и скакал за Машкой следом. И, конечно же, требовал у деда, чтобы и ему разрешили шампанского. Написать желание на бумажке он вполне мог, как никак во втором классе учился, только смысла в этом не видел. Данька был скептик, как и его дед-профессор, и во всякие новогодние чудеса и Деда Мороза они не верили. А подарок он уже и так получил – смартфон. Но было бы великим чудом, если бы деда Лёва разрешил на нем поиграть. Хотя за этим чудом не к Деду Морозу надо обращаться, а к своему собственному деду, кто этот смартфон и забрал, не дав даже как следует рассмотреть.

А Наталья терпеливо объясняла дочери, что, во-первых, маленьким шампанское нельзя, а во-вторых, раз она писать не умеет, то и с желанием, придётся пока обождать. Сама же торопливо черкала на бумажке свое заветное желание, прикрывая рукой, чтобы никто не подсмотрел, что она там пишет.

Олеська тоже пристроилась в уголочке с клочком бумажки и задумалась – что же написать такое, чего пожелать самого-самого? Может про замужество? А то уже тридцатник, а не то что семьи, но и парня-то нет. А как хорошо было бы иметь мужа и такую вот дочку, как Машка. Но какая семья без любви? «Тогда загадаю себе найти в Новом году любовь – подумала Олеська, и, хихикув про себя, добавила, – И принца».

Вот, зазвучала торжественная музыка, на экране ноутбука затрепетал Российский флаг на фоне ночного неба, а все присутствующие с улыбками сжимали в руках фужеры и бумажки с написанными желаниями. Даже Машке выдали бокал на высокой тонкой ножке, наполнив его газировкой, а желание она, не умея писать, нарисовала. И всем по секрету сообщила, что это никакой не динозавр, как сказал дед Василий, а велосипед.

И вот, раздался бой курантов, зазвенели фужеры, сойдясь в поздравительных тостах, и началась веселая суэта с поджиганием заветных бумажек. Никто не заметил, как выскользнул из комнаты дед Василий. А он через минуту вошел обратно, в красном цветастом Ленкином халате и старом, порыжевшем треухе. В руке он держал черенок от лопаты, обмотанный мишурой, а за спиной у него была розовая наволочка, наполненная конфетами и мандаринами. Лев Львович заплодировал под любимую фразу: «Чудненько, чудненько!»

А все остальные забыли про ноутбук с начинавшимся в эфире «Голубым огоньком» и с визгом и смехом столпились около деда Василия. Просто так выдавать призы он отказался, требовал рассказать стишок или спеть песенку. Сказал, что в крайнем случае сгодиться анекдот или какая-нибудь веселая история.

Через час суэта улеглась. Народ разбрелся по комнате. Кто-то вяло ковырялся в салатах, кто-то чистил мандаринку. Машка задремала на диване, и дед Василий укрыл ее снятым с себя халатом. И тут погас свет.

– Ой...

– Что за шутки? Вадька, это ты хулиганишь?

– Чуть что сразу Вадька! Понятия не имею, что это такое.

– Тихо-тихо, – громкий учительский голос Елены Петровны перекрыл все остальные выкрики – Я сейчас выглянула на улицу и посмотрела на село – все дома темные и никакие фонари не горят. Наверное, на подстанции авария. Сейчас свечи достану, не волнуйтесь.

– Ну вот, отпраздновали Новый год... – недовольно протянул Вадик.

– А чем тебе не праздничная атмосфера? – спросила Елена Петровна, зажигая очередную свечку. Свечек у нее было огромное количество, как и разных подсвечников – и латунные витые, и в виде лошадки, и на три свечки. Скоро в каждом углу комнаты замерцали огоньки свечей. Стало уютно и немного сказочно.

– Ну, вот, а вы переживали. Самый настоящий Новый год!

– Ага, – сварливо заявил Вадик – Тишина такая, как в склепе. Так-то хоть музыка играла.

– Так мы и сами спеть можем, – ответила неунывающая Елена Петровна, – Дим, доставай гитару.

– А что, обязательно петь? – вставила свое слово Наталья, – Можно и анекдоты рассказывать. Или истории страшные. Да, кстати, из всех собравшихся только дед Василий не выдал ни стиха, ни песни, ни анекдота. Не важно, что он в роли Деда Мороза вступал. Раз он снял с себя реквизит, значит он больше не Дед Мороз. Пусть, как и мы, расскажет что-нибудь.

– Ага, дед, – лукаво глянула на него Олеська, – Можешь даже историю про любовь рассказать.

– Про любовь, говоришь... – задумчиво отозвался дед Василий, – Могу и про любовь. Только история моя грустная...

Все загалдели, что пусть грустная, главная чтобы интересная, а Димка провел большим пальцем по гитарным струнам и пропел: «Любовь никогда не бывает без грусти, но это приятней, чем грусть без любви».

– Ну, коли хотите, слушайте. Было это в начале 80-х в Карелии. А если точнее – возле реки Кивач. Там еще заповедник располагается. Мы туда приехали с нашим стройотрядом. Работа была не сложная, не сказать, чтобы тяжелая. А места там красивейшие! Так что считай, не работали мы, а отдыхали. Ну, и как водится, вечерами танцы под старый расхлябанный магнитофон. Тут понятно без местных не обойтись...

– Что, разборки устраивали? – сунулся неугомонный Вадик.

– Да нее. Мы с местными очень хорошо сошлись. Прямо любовь и дружба у нас была. Мы ж парни молодые, а там девчонки приходили, местные, карелки. Ух, и красивые эти карелы!

– Корелла? Так это же попугай... – не унимался Вадик.

– Вадька! Я тебя сейчас тресну! – замахнулась на него Олеська, – Ты можешь молча слушать?

– Все, молчу, молчу, – Вадик сложил руки перед собой и склонился в шутовском полуклоне.

Дед Василий помолчал еще с минуту, оглядел всех присутствующих и продолжил.

– Карелы – это народ такой в Карелии, местное, так сказать, население. Очень на русских похожи. Но красивые, особенно женщины. Скулы высокие, волосы светлые у некоторых белые-белые. И глаза. Почти у всех глаза ярко-голубые. Словно карельские озера в них отразились. А у нее глаза были не голубые, а синие.

При слове «она» все понимающе переглянулись, а дед Василий, не замечая этого, продолжал:

Я таких глаз больше ни у кого не видел. Худенькая, невысокого роста. И она почти никогда не улыбалась, разве что когда задумается, краешки губ чуть вверх подымутся.

Как-то раз вечером я оказался с ней рядом. У нас ведь в отряде не всегда танцы были, еще и у костра посиделки устраивали. И вот, однажды мы уселись на одно бревно. Я повернулся к ней, сказать хотел, девушка, мол, не подвинетесь чуток, а то мне места маловато, а как глянул, так и все слова забыл. Вот есть такое выражение – «утонул в ее глазах», так вот это про меня. Утонул, как есть утонул.

И с тех пор мы все вечера вместе были. Ну, днем у нас, понятное дело, работа, а как вечер, она приходила в наш лагерь. Мы или танцевали с остальными молодыми людьми, или песни под гитару пели возле костра. А то гулять ходили. На водопад. Кивач он называется, как и река. Красивое место. Как придешь туда, так внутри как будто все меняется. Ни о чем плохом думать не можешь. А я и думал лишь о хорошем – как мы с Олей, эту карелку Оля звали, заживём дальше. Я не понимал еще, как мы будем жить, то ли она в наш город переедет, учиться поступит, или же я в Карелии останусь, переведусь в институт в Петрозаводске.

Но вот она один вечер не пришла, второй... Я забеспокоился. А через три дня приходит. У нас в тот вечер танцы устроили. Ну, дискотека нынче называется. Я обрадовался, подлетаю к ней, в круг тащу. А она холодно посмотрела на меня. Одним взглядом остановила. Бросила мне: «Пойдем». Развернулась и пошла. Я, естественно, за ней. Пришли мы к водопаду. Встали на скале, под нами волны беснуются, брызги до нас долетают. Она развернулась ко мне, смотрит на меня своими синими глазищами и говорит: «Я, Вася, тебя сюда попрощаться привела». Я ничего не понимаю – какое прощание? Мы еще две недели работать должны были.

А тут из-за скалы выходит парень, чуть меня постарше, а глаза у него жгуче-голубые. По глазам этим я понял, что Олин брат передо мной. Встал между нами, зубы сжаты, желваки играют. Помолчал и процедил сквозь зубы: «Чтоб к Ольке на пушечный выстрел не подходил!» Оля хочет ко мне подойти, а он плечом ее отодвинул и бросил ей, не глядя: «А ты марш домой!» Оля сверкнула на него из глаз синевой, развернулась и быстро так к краю скалы отошла.

В тот день было пасмурно, а под вечер тучи на горизонте разошлись, и солнце все лучами в розовый цвет окрасило. Мы смотрим на Олю, она стоит на самом краю, а вокруг нее словно

ореол золотой. Ее брат развернулся к ней и как заорет: «Я же сказал, домой быстро!» Она чуть дрогнула, а потом говорит: «Дай мне с Васей попрощаться».

– Неет! – рявкнул он.

Оля еще полшажочка назад сделала, а за ее спиной водопад беснуется. Я испугался, но виду не показываю, шепчу этому брату безумному:

– Ты что, не видишь, еще немного, и она сорвется вниз. Разреши ей подойти ко мне. Мы прощаемся просто, как добрые друзья, и я уйду. Скоро мы уедем, и я навсегда исчезну из вашей жизни. Не делай глупости, слышишь? Она может разбиться. Ты примешь на себя вину за это?

Брат прерывисто задышал, шумно вдохнул и отрывисто прошептал: «Две минуты». И отошел на некоторое расстояние. Оля подошла ко мне, посмотрела в глаза и молчала с минуту. Потом сказала шепотом: «Все я запомнила каждую черточку твоего лица. Прощай». Вынула из уха сережку с голубым камнем и сунула мне в ладонь. Брат дернул Олю за руку и потащил вниз. Я еще немного постоял, разглядывая лежащую на ладони Олину сережку, и побрел в наш лагерь. Больше я Олю не видел.

Местные ребята и девчата, что приходили к нам в лагерь, рассказали, что Олю увезли, а куда никто не знает. И хоть у нас с ней, как говорят «ничего не было», мы даже не поцеловались ни разу, я очень долго ходил как в воду опущенный. Ни с кем не разговаривал, разве что по делу. Но надо мной никто не смеялся, мне сочувствовали, но сочувствовали молча. Все мои друзья понимали, что это не какая-то пустяковая встреча. Понимали, что коснулась меня Любовь, и уплыла в дальние дали. Вот так-то.

Дед Василий шумно вздохнул. Олеське стало жалко деда. Вот он какой, оказывается, романтик. А еще она вспомнила, что на ключах у него висит голубая бусина, прикрепленная к колечку от ключей странным крючком. Олеська догадалась, что это ни что иное, как та самая Олина сережка. У нее защипало в глазах. Хорошо, что в темноте не видно, как навернулись непонятные, неожиданные слезы.

В этот момент зажегся свет, и прозвучало нестройное «Ура!» Народ зашевелился, потягиваясь, разминая затёкшие от долгого сидения ноги. Елена Петровна на правах хозяйки побежала на кухню ставить чайник, а Олеська подошла к деду Василию, прижалась к его плечу и нерешительно погладила грубую мускулистую руку. Подняла на него глаза и улыбнулась. Дед Василий улыбнулся в ответ и ласково щелкнул ее по носу.

«Любовь, как и кашель, не скроешь» – шепнул он ей и легонько подтолкнул к стоявшему неподалеку Вадику. Олеська вопросительно посмотрела на деда Василия, а он подмигнул и добавил: «Вот так-то».

3 глава. Потеря

Олеська еще глаза не открыла, а почувствовала, что сегодня случится что-то хорошее. Старшие сестры – Ленка с Наташкой – взяли ее с собой в Новогоднюю ночь гулять возле ёлки, что стояла около сельсовета. А это значит, что она, Олеська, уже большая, она с ними на равных. Даже мама не долго сопротивлялась. Поворчала для порядка, а потом сказала: «Девочки, вы только приглядывайте за ней, одну не оставляйте». Девочки уверили – «Теть Нин, не бойтесь, мы ее от себя никуда не отпустим!»

И это было так здорово! И так необычно – ночь, но на улице полно народу, ребята бегают, на горках катаются. Взрослые просто так ходят, гуляют. Хотя нет, не все просто гуляют – вон дядя Гриша, сосед, на горку взобрался да как скатится. Прямо стоя на ногах! И не упал. И у многих в руках бенгальские огни шипят, искрятся. И ребята с горки катаются. Только ребята – с маленькой горки, а взрослые, такие как дядя Гриша, те – с большой. И Ленкины одноклассники тоже с большой катаются и сама Ленка. Только они на картонках и фанерках, а вот Петька, тот, с кем Ленка за одной партой сидит, он как дядя Гриша, на ногах скатился. Вот это да! Правда, он в самом конце упал, но это потому, что на Олеську налетел.

– Эй, малая! Ты чего под ногами путаешься?! – крикнул он ей, отряхиваясь.

– Э, Сидоров! Ты чего мою сестру обижаешь?! – коршуном налетела на него Ленка.

Приятное чувство обволокло Олеську – у нее есть старшая сестра, и она защищает ее, Олеську от больших мальчишек. Ну и что, что Лена всего лишь двоюродная сестра. Все равно не чужая. И Наташка тоже своя-родная, хоть и двоюродная, и тоже старшая, пусть и не такая большая, как Ленка. Наташка всего в четвертом классе, а Ленка уже в девятом! Она любит водиться с Олеськой и играть в школу. Олеська благодаря Ленке все буквы и цифры знает и читает и даже писать умеет печатными буквами. Хотя в школу она пойдет только через два года. А про Наташку говорили, что Ленка ее подтянула по математике и по русскому.

Что такое «подтянула» Олеська не знала. Наверное, повесила на турник, и помогала подтягиваться, как дядя Гриша помогал подтягиваться на турнике своему маленькому сыну Вовке? Только при чем здесь русский и математика? Но теперь Наташка учиться хорошо, а про Ленку говорят, что она обязательно будет учительницей.

Пока Олеська все это прокручивала в своей голове, ей уже расхотелось реветь, как она со страху надумала в начале. А Петька Сидоров оправдывался:

– Да ничего я не обижаю... Просто сам испугался – вдруг зашиб. Чего она тут делает, возле большой горки-то?

И Олеська ляпнула:

– Я скатиться хочу...

– Лесечка, – ласково заговорила с ней Ленка, – Тебе тут нельзя, ты еще маленькая. Пошли вон на у горку.

– Да не бойсь! – сказал вдруг Петька, – Я с ней скачусь, давай свою картонку.

И вот Олеська с замиранием души стоит на большой горке. А с горки так далеко все видно! И Петька усадил ее перед собой, залихватски свистнул, оттолкнулся, и они понеслись! Олеська завизжала и закрыла глаза. В животе у нее что-то поднялось, потом опустилось, и было так сладко и здорово.

Так Петька скатился с ней еще пару раз, потом кто-то из больших ребят вручил ей горящий бенгальский огонь. А потом ребята отправились куда-то всей гурьбой, а Олеська осталась возле горки. Она вытянула вперед руку с бенгальским огнем и смотрела, прищурив глаза, как вокруг рассыпаются искры. Но вот бенгальский огонь зашипел и погас, в руках у Олеськи осталась только обугленная проволока. Она поводила ей по снегу, нарисовала рожицу и написала «Новый гот» (только буква «в» была повернута в противоположную сторону). А потом напра-

вилась, было к ёлке. Но ей вдруг очень захотелось посмотреть, а что там, за сельпо, на другом конце площади. Она каждый раз просила маму пройти той дорогой, которая огибает магазин с обратной стороны, но мама постоянно отнекивалась. Сейчас Олеську никто не окликнул, и она решила быстренько сбежать, посмотреть и вернуться обратно, пока Ленка и Наташка гуляли со своими друзьями.

Олеська забежала за магазин, осмотрела его с другой – неизвестной – стороны, и отправилась обратно. Но почему-то обратно на площадь она не попала. Тропинка вела ее дальше, и привела на аллею с высаженными ёлочками. Олеська решила, что это уже лес и испугалась. Она села в сугроб и заревела во весь голос.

Тем временем Ленка хватилась ее.

– Петька! Ты куда ребенка дел? – наседала Ленка на своего одноклассника.

– Да вот только что тут была, – оправдывался он, – Сейчас найдем. Не могла она далеко убежать.

Олеську нашли через пять минут, сидящую в сугробе, и монотонно гудящую на одной ноте:

– Ммммммммммааааа....

Ленка схватила ее в охапку, прижала к себе и больше от себя не отпускала. А потом они все вместе – Ленка, Наташка, Ленкины одноклассники (и Олеська разумеется с ними), уселись в беседке за школой. Кто-то принёс термос с горячим чем, а Петька Сидоров достал из-за пазухи круг «Краковской» колбасы, которую стянул у родителей с новогоднего стола, и полбулки круглого каравая. Под одобрительные возгласы друзей колбасу и хлеб разделили поровну. Олеське отломил кусок наравне с остальными ребятами. Она жевала свой бутерброд и радовалась, что встречает Новый год «как большая». Она не заметила, как уснула, и ее спящую ребята принесли домой, раздели и уложили в кровать.

И когда солнечный луч заглянул на ее лице, Олеська знала, что ее ждёт что-то очень хорошее. Она открыла глаза, и первое, что увидела, это старинный буфет. На его граненых стеклах играли солнечные зайчики. В доме стояла тишина. Олеська потянулась, и ее рука наткнулась на сотовый. Девушка взяла телефон в руки, и посмотрела который час. Начало одиннадцатого. Она села на кровати и огляделась. Оказывается, спать она улеглась в дальней комнате Ленкиного дома. Впрочем, она всегда спала именно в этой комнате, когда оставалась ночевать у сестры. Олеська помотала головой, отгоняя остатки сна. Надо же, какой интересный сон, такой реалистичный – ей приснилось, что она совсем малышка, во сне пришло воспоминание о Новогоднем приключении двадцатилетней давности.

В доме все еще спали. Олеська накинула на себя халат, висевший на спинке кровати. Это оказался тот самый халат, в котором вчера дед Василий играл роль Деда Мороза. Ступая по скрипучим половицам, и стараясь произвести как можно меньше шума, Олеська вышла на кухню. В горле пересохло, и единственным желанием было глотнуть водички. Выпитое накануне шампанское, а перед этим своя собственная фирменная настойка вызвали пренеприятнейшее ощущение во рту, но голова оставалась ясная.

На кухне Олеска к своему удивлению обнаружила Машку. Ребенок был занят важным делом —девочка мастерил себе карнавальный костюм из... сосисок. Именно такая мысль (насчет карнавального костюма) пришла в голову Олеське, когда она увидела Машку, наматывающую огромную связку сосисок на свою талию и перекидывая их дальше, через плечо. Ленка видимо по акции купила эти сосиски, да специально взяла побольше, чтобы накормить ораву гостей. Но Машка решила распорядиться этим колбасным продуктом по своему усмотрению.

– Ты, голуба-дева, что тут творишь? – спросила ее Олеська.

Машка одарила ее очаровательной улыбкой и изрекла:

– Я буду жвица и подойду колдовать.

Олеське стоило большого труда и немалого списка наводящих вопросов, чтобы выяснить, что жвица, то есть жрица – это от слова «жрать», а колдовать – это колядовать. В Машинной голове перепутались все понятия и определения. Олеська посмеялась, сфотографировала племянницу, но посоветовала девочке снять с себя колбасный реквизит.

Машка возразила, что обязательно должна показать маме и папе свой костюм, и вышла из кухни. Олеська напилась воды из-под крана и поставила варить кофе. Через полчаса она уютно устроившись в кресле, пила из глиняной кружки деда Василия божественный напиток древних инков и рассматривала рекламную фотографию в *Cosmopolitan*. На фото сидела, подогнув под себя ноги девушка в короне из колбасок, в юбочке из сосисок, и из сосисок же, только поменьше размером у нее было нечто похожее на шарф – связка этих колбасных изделий небрежно обвивала шею манекенщицы и элегантно свисала за спиной. На обеих руках у девушки были браслеты из полукопченой колбасы, по всей видимости «Краковской». Скорее всего, эта фотография и побудила Машку соорудить себе похожий карнавальный костюм.

Немного погодя на кухню стал подтягиваться народ. Каждый из вошедших первым делом направлялся к водопроводному крану. Потом по своим вкусовым пристрастиям – кому кофе, кому чай, кому пиво, а кому минералку. Когда все из находящихся в доме проснулись и собрались на кухне, встал вопрос о завтраке. Ленка заявила, что на завтрак у нее предусмотрены вареные сосиски с горчицей, на что Олеська со смехом ответила, что с сосисками придется подождать, рассказала о Машкином модном гастрономическом эксперименте, и показала фотку. Народ на эту фотографию отреагировал неоднозначно. Но тут Наташка спохватилась:

– Так, стоп! А Машка-то где?

– Так она собиралась вам с Димкой своим нарядом хвастаться, – ответила Олеська.

Наташка и Димка переглянулись.

– Она не подходила к нам...

– Даня! – нервно воскликнула Наталья, – Ты видел Машку?

– Нее, я спал, – ответил сонный Данила. Он отчаянно зевал, а на его лице подтверждением, что он не врет, алели рубцы, оставленные подушкой.

Стали выяснять, кто утром видел Машку, но как оказалось, видела девочку только Олеська. Потом ребенок изъявил желание похвастаться родителям своим костюмом, но до родителей так и не дошел. Наташка в панике схватилась за голову. Дед Василий принялся ее утешать:

– Да подожди ты переживать. Ну, куда она из дома да со двора денется?

У Олеськи перед глазами промелькнули точно кинокадры из своего сна-воспоминания, как она потерялась той давней новогодней ночью, и она снова ощутила страх пятилетнего заблудившегося ребенка. Народ засуетился – пробежались по комнатам, заглянули во все шкафы и под все кровати. Несколько человек выбежали во двор, кто налегке, кто накинув на себя верхнюю одежду. Машку нашли сидящей перед будкой Тобика и скармливающей ему сосиски из своего одеяния. Тобик ел с удовольствием, причем вместе с целлофановой оболочкой.

Наташка схватила дочь в охапку и унесла в дом. Тобик тоскливым взглядом проводил сосиски, намотанные на Машкиной шее, вздохнул и залез обратно в будку.

А все снова, включая Машку, собрались на кухне и держали совет – стоит ли варить оставшиеся сосиски на завтрак. Судя по всему, Тобик позавтракал очень хорошо, и на душу населения осталось всего лишь по полсосиски. Но это все же лучше, чем ничего. Однако, посоветовавшись, сосиски решили отложить и позавтракать вчерашними салатами.

4 глава. Жили-были слоники

Машка была наказана. За сосиски.

Когда блудную дочь нашли, волнение и смех улеглись, народ снова собрался в гостиной. На раз-два умяли оставшиеся салаты, а заодно обсудили и Машкино поведение.

– Я чуть с ума не сошла, – нервно покусывая губы, заявила Наталья.

– Вот скажи пожалуйста, зачем ты это сделала? – обратилась она к дочери.

– Што жделала? – подняла на мать свои голубые глазища Машка.

– Что... Ну, во-первых, взяла без спроса сосиски и скормила их Тобику, а во-вторых, никому не сказала, вышла на улицу раздетая...

– Во-первыф, – бесцеремонно перебила мать Машка, – Тобик тоже куфать хочет, а во-фтовыф...

Машка застыла. Она стояла, подперев левой рукой бок, а правую картинно подняла ладонью кверху.

– Ну, что у тебя там «во-фтовыф»? – насмешливо спросил Димка.

– Я жабыла... – Машка крутанулась на пятке и вприпрыжку поскакала к дивану.

Коротенькая юбочка подлетала, открывая взору чуть спущенные колготки, а сползший на бок огромный белый бант подпрыгивал в такт своей хозяйке.

– Нет, ну надо же было додуматься – сосиски на шею намотать! – воскликнула Наташка.

– А тут и думать особо не надо было, – заступилась за племянку Олеська. – Вон, в журнале как тетенька с сосисками красиво смотрится. И с колбасками.

– Нечего детям смотреть взрослые журналы, – отрезала Ленка.

– Нечего взрослым оставлять свои взрослые журналы без присмотра, – парировала Олеська,

– Вы бы еще Плей Бой на столе оставили, – буркнула она.

Услышав ее слова, Димка почему-то немного покраснел.

– А ты не выгораживай свою любимицу, – прикрикнула Ленка. – А то тоже будешь наказана за компанию. И, кстати, почему ты не отобрала у нее сосиски, когда увидела, что она с ними творит?

– Потому что она сказала, что обязательно должна показаться в этом образе папе и маме, а я не могла допустить, чтобы родители пропустили такую красоту, – невозмутимо ответила Олеська,

– Ну и у меня нет такого авторитета, как у вас, уважаемая Елена Петровна, – с сарказмом добавила она.

– Ах, авторитета нет? – медово улыбнулась Ленка – Елена Петровна – Тогда разделишь наказание с этой малолетней хулиганкой. Мы отправимся гулять, а вы останетесь дома.

– Да, пожалуйста. С удовольствием, – отозвалась Олеська, – Все равно малую дома одну не оставишь, за ней приглядеть надо будет.

– Угу, ты-то приглядишь... – ехидно вставила свои пять копеек Наталья, – Приглядела уже – и сосисок мы лишились, и ребенка потеряли.

– Так нашли же, – меланхолично ответила Олеська, – А сосиски есть вредно. Там мяса нет, они на 95% из туалетной бумаги состоят.

В обсуждении Машкиного поведения не принимали участия только Лев Львович и Данька. Профессор уткнулся в телефон, сосредоточенно листая новостную ленту. Его желание всегда быть в курсе всех мировых событий не ослабевало даже в праздники. А Данька привычно ковырял вилкой остатки салата в тарелке. Его грызла досада – надо же, Машка такое натворила, а ей даже не попало. Ну, подумаешь, на прогулку не возьмут. Вот ему всегда

влетало по первое число за малейшую провинность. Ну и хорошо, что этой пигалицы не будет на прогулке. Надоела она уже ему. За один вечер надоела.

Через полчаса все собрались, и отправились на прогулку до леса. Это у семьи Паровозов уже было традицией – первого января, прихватив друзей, отправляться всей компанией в лес, чтобы разжечь там костер, жарить сосиски, хлеб, и просто устраивать активные игры на свежем воздухе.

Дед Василий попытался заступиться за Машку – дескать, праздник, зачем девочку лишать удовольствия. Но Елена Петровна задавила его своим учительским авторитетом, а больше за Машку никто не рискнул заступиться. К тому же погода стояла морозная, столбик термометра опустился до отметки минус двадцать пять градусов. Наталья со вздохом отметила, «пусть дома сидит, нечего ребенка морозить».

Олеська ничуть не расстроилась, что тоже осталась дома. На улице и правда холодно, а дома так хорошо. К тому же побыть одной – это не наказание, а радость. Ну, в данный момент она конечно не одна, а с Машкой. Общение с племяншой Олеське всегда доставляло радость. И оставшись с Машкой вдвоем, Олеська наслаждалась приятной тишиной, которой, порой не хватает, когда вся семья собирается вместе. Этот дом для нее с детства был родным, несмотря на то, что жила она с родителями не здесь, а в благоустроенной квартире на другом конце села. Но в детстве большую часть времени Олеська проводила именно в этом доме – с сестрами. Тогда еще были живы бабушка и дедушка, а к дяде Васе уже тогда намертво прилипло имя-звание «дед Василий», хотя он еще был довольно молодой. Солнышко расстелило на широких досках пола свои теплые квадраты, повторяющие рисунок оконных переплетов. Тихонько потрескивали в печке дрова. В дом давно провели газовое отопление, но Ленка с дедом Василием решили оставить печь и часто зимой топили ее. Во-первых, для большого дома в сильные морозы, не хватало мощности газового котла, а во-вторых, – так здорово, когда в доме топится печь. Дом сразу становится уютнее...

Машка, по-видимому, тоже не расстроилась, что ее не взяли на прогулку. Вообще, она была достаточно самостоятельный ребенок и не раз оставалась дома одна. И практически без последствий, и разных инцидентов вроде того, с сосисками. Кряхтя, Машка примостилась на диване рядом с Олеськой, привалилась к ее боку и замолчала. Олеська задумчиво поглаживала девочку по волосам, потом тряхнула головой и спросила:

– Ну, Марья, мы с тобой сегодня как два арестанта. Но передвижение по дому у нас не ограничено. Чем займемся?

– А что такое авештанта? – нахмутив белесые бровки, спросила Машка.

– Арестант – это что-то вроде наказанного. Но мы с тобой не наказаны – вот еще! Мы просто остались дома, потому что нам так хочется. Итак, чем займемся?

– Итак, – деловито откликнулась Машка, – Будем шитаться. Я жнаю ховошую шиталку. На кого упадет, тот и выберет, чем жаняться.

И затараторила:

– У шатра штоит вагон

Раш, два, тви, пвиехал шлон.

Раш, два, тви, четыве, пять —

Штал он в цивке выштупать.

Вштал на тумбу,

Начал ешть:

Шъел он каши

Ведев шешть.

Шемь тажов морковки шхвяпал,

На дешевт – вошмую шляпу.

Девять квемовых товтов

И дешатый шьешть готов.

Шважу видно – этот шлон

В математике шилен!

Водить выпало Олеське. Машка немного огорчилась, но когда Олеська сказала, что они сейчас будут читать, оживилась и закричала:

– Тогда пво шлонов читать будем!

И побежала за книжками. Сначала они прочитали книжку с красивыми и яркими картинками, про то, как Слоненок был сначала зонтиком, потом лейкой, потом пожарным. А потом Машка с благоговением открыла большую детскую энциклопедию про животных.

– Это мне в школу купиви, – важно сообщила она Олеське. Ее вообще-то не вазвешают пока твогать, но я же не одна шмответь буду, а ш тобой.

Олеська пробормотала про то, что они снова попадают в разряд правонарушителей, но с удовольствием взяла в руки красочную книгу. Ну и конечно, смотреть энциклопедию они начали со слонов.

– Смотри, Маш, как интересно – оказывается, большие уши нужны слону для охлаждения организма. Уши для слона как будто кондиционер! Через кровеносные сосуды, находящиеся в ушах, происходит отдача тепла. Вот как! И чтобы быстрее охладиться, слоны машут ушами.

– Ну, да, – важно ответила Машка, – В Африке ведь жавко, вот шлоны и машут ушами.

– Ага... А вот еще интересный факт: «Африканские слоны никогда не ложатся и спят только стоя. Слон имеет способность „слышать“ ногами благодаря специальным рецепторам, которые находятся на подошвах».

– Бедный шлоник, шпит штоя... у него кровати нет, да? – вздохнула Машка, – А што такое вецептовы?

– Рецепторы – это такие нервные окончания. Звук уходит в землю, вибрирует. И слон это чувствует ногами и таким образом слышит.

Они еще некоторое время рассматривали энциклопедию, со слонов переключились на птиц. Но потом Олеська заметила, что Машка стала вертеться и слушать невнимательно. «Устал ребенок...» – подумала она и спросила:

– Маш, а может уже чем другим займемся?

– Ага! Я хочу шлона шлепить.

– Шлепить? Из чего? Пластилин нужен... Или мы во двор выйдем и из снега шлепим? – вынесла предложение Олеська.

– Не, я у деда Василия штуку видела. Пойдем, покажу!

Машка соскочила с дивана и решительно потянула за собой Олеську.

– Куда ты меня тащишь?

– В чулок, – уверенно произнесла Маша.

Они пошли в маленькую комнатку, которая раньше выполняла роль кладовки, и называлась чулан. Но с недавнего времени дед Василий приспособил ее под мастерскую. У него вдруг появилось хобби – дед занялся гончарным ремеслом. Лепил из глины разные фигурки, свистульки. А еще купил гончарный круг и потихоньку учился делать кружки и кувшины. Машка по-хозяйски зашла в мастерскую и направилась в дальний угол.

– Вот, тут у деды глина ешть. Из нее мы шлоников налепим. Потом дед их в печку жашу-нет, а потом мы с тобой их развишум.

– Дед ругаться будет... – с сомнением ответила Олеська.

– Не будет. Он меня любит, – уверенно произнесла Машка.

– Да, но, – попыталась возразить девочке Олеська. Но та покровительственно ответила:

– Не волнуйша, он и тебя любит. И вообще, он добрый.

Маша отломила от большого куска глины два маленьких кусочка, один взяла себе, второй протянула Олеське. Видно было, что девочка здесь частый гость и лепкой занимается не впервые.

Олеська с увлечением мяла рыжий комок, чувствуя, что глина становится все податливее. Ей такое развлечение пришлось по душе. Она подумала, очень хорошо, что не отправилась гулять со всеми остальными. Что она леса и сосисок не видела? Тем более с сосисками дефицит вышел. А вот такое действо – сродни медитации. Через полчаса у нее в руках был вполне симпатичный слоненок с задорно задранной кверху хоботом.

Машкин слон был более основательный – толстые ноги прочно удерживали небольшое круглое туловище. Равновесие помогал удерживать и хобот, что упирался в землю. Но самое замечательное у слона – это были уши. Они по размеру почти превосходили самого слона.

Творцы не заметили, как народ вернулся с прогулки.

– Эй, аууу! – закричала Елена Петровна, – Что-то дома подозрительно тихо. Девочки, вы где?

– Мы у деды в чулке шлонов лепим громко закричала Машка, – Идите все шюда!

Когда все собрались в мастерской, Машка начала объяснять:

– Это мой шлон, и его жовут Вася, как деду. Толстые ноги, это у него потому, чтобы в них вцептовы уместились, а хобот вниз – это шлоник воду из земли пьет. А уши у Васи шамые больфые, чтобы ему в Африке швоей не жавко было.

Народ умилился Машкиным творчеством. Особенно дед Василий.

– Ох, да ты ж ягодка моя сладкая! – пропел он, – Какого слоника слепила. Я его в печку поставлю, а потом мы с тобой его и разрисуем.

– И Лещинго шлоника в печку.

– Конечно, и Лесиного. Творительницы вы мои.

Судя по чересчур восторженным высказываниям, Олеська поняла, что дед Василий слегка принял на грудь. Она улыбнулась. Но тут из-за спины неожиданно вынырнул Вадик, чем слегка напугал девушку.

– Что, Паровозова, ты у нас оказывается скульптор? Ну-ка, покажь, чего ты там налепила?

– Полетаев! – насмешливо улыбнулась Олеська, – Ты летел мимо, вот и лети.

– Ну, вот, сразу мимо. Я может, хотел попросить, чтобы ты мне этого слоника подарила. На счастье.

Олеська недоверчиво покосилась на Вадика – придуривается или серьезно?

– Он все равно еще не готов, – буркнула она и отошла.

А дед Василий посадил Машку на колени и рассказывал ей интересную историю:

– ...вот они шли и на расстоянии наблюдали за львицей. А она несла своего львенка.

– На вучках несла? – уточнила Машка.

– Нет. В зубах. Все животные носят своих детенышей в зубах. Так вот, наблюдали они за львицей, а она очень устала.

– Ну, да, – снова перебила деда Машка, – Львенок, наверное, тяжелый, как я...

– Тяжёлый... И вот, подошел к ним слон. Он решил помочь львице – согнул свой хобот, и львенок запрыгнул на хобот, и они пошли дальше втроем – слон нес львенка, а львица просто шла рядом.

Олеська сидела на диване и наблюдала за всеми. Дед воркует с Машкой, Ленка командует – кому на стол накрывать, кому куда садиться, Наташка с задумчивой улыбкой сует от стола на кухню и обратно. Димка суетится и пытается ей помочь. Все такие родные и милые. Даже Вадик не вызывает раздражения – парень, как парень, ну, разгильдяй немного, а так вполне симпатичный. Сидит вон, в телефоне залип. Кривит губы в усмешке. А вот он потешно так рот приоткрыл и сосредоточенно что-то печатает, наверное, сообщение набирает кому-то.

И тут у нее звякнул телефон – пришло сообщение. Олеська посмотрела и удивилась – от Вадика? Но, открыв сообщение, удивилась еще больше, даже растерялась. «Леся, я правда хочу, чтобы ты подарила мне сделанного тобой слоника. Он мне очень понравился. Не сердись на меня, ладно?»

Олеська подняла голову и встретилась глазами с Вадиком. У него покраснели уши, но взгляд Вадик не отвел. Олеська почувствовала, как у нее тоже щеки начинает заливать краска. Она опустила голову и набрала ответное сообщение: «Хорошо. Доделаю и отдам».

Новый год набирал обороты, в их селе он уже хозяйничало целых шестнадцать часов. Солнце уходило за дальний лес, окрашивая небо сиреневыми закатными красками. И Олеська всем сердцем почувствовала – как же хорошо жить на этом белом свете! И как здорово, что у них такая дружная семья. Им так хорошо вместе, что, пожалуй, больше никого и не надо. Да, друзья и знакомые часто гостят у них. Вот и Лев Львович с Данькой приехали Новый год с ними отпраздновать, они хорошие, но все-таки не свои, не родные. Уехали, и Олеська ощутила облегчение. Остались только свои... И Вадик... Олеська удивленно прислушивалась к себе. Да, с Вадиком они знакомы давно, и он часто приходит к ним, и, бывает даже остается на несколько дней, особенно в праздники. И несмотря на то, что он «приблудный», как однажды выразилась Ленка, Олеська не чувствует напряжения и скованности, когда Вадик находится с ними. И даже все его глупые шуточки и привычка изводить ее не раздражают, как в детстве. «Ну, надо же, – не переставала удивляться Олеська, – Совсем не раздражают».

5. глава. Вечер первого января

Вечер первого января хорош тем, что его можно уже провести без лишних телодвижений – не скакать, не веселиться бурно, не нестись в гости, а спокойно сидеть, или даже лежать и смотреть телевизор. Или просто какой-нибудь фильм скаченный с Интернета. Или общаться с друзьями. Или...

Паровозовы и иже с ними вяло (уже вяло) переругивались.

– Давайте в «Мафию» поиграем! – предлагает Димка.

– Да иди ты со своей «Мафией! Надоело. Каждый раз, как собираемся, все «Мафия» да «Мафия», – недовольно бурчит Наталья.

– О, – с сарказмом встревает Вадик, – Неужели вам «Мафия» надоела? А я думал вы без нее жить не можете, думал, что не только в гостях, но и дома играете, занимая свой семейный досуг.

Но Наталья отмахнулась от него, как от надоедливой мухи.

– Ну, может тогда в «Крокодила»? – не унимался Димка, а Наталья лишь молча, с выражением безнадеги закатила глаза.

– Похоже, только тебе не сидится спокойно, – усмехнулась Елена Петровна, – Остальные вон сами себя уже заняли.

Димка посмотрел на собравшихся. Вадик как всегда сидел, уткнувшись в телефон. Наталья со скучающим видом пялилась в еле слышно бурчащий телевизор. Дед Василий напевая себе под нос: «Мои мысли, мои скакуны», шуршал сборником сканвордов. Судя по тому, как шустро карандаш скользил по странице журнала, мысли у деда и правда, скакали резво, и слова отгадывались споро. Олеська с Машкой увлеченно раскрашивали одну раскраску на двоих.

– Паровозовы, ну вы че?! – вскричал Димка, – Такие скучные все стали.

– Я не Паровозов, – рассеянно откликнулся Вадик, не отрывая взгляда от телефона.

– И я не Паровозова, – поддержала его Наталья, подвигаясь ближе к экрану телевизора.

– Ну, ты была Паровозова, пока не вышла за меня замуж, так что семейный дух в тебе остался. А ты, – Димка обратился к Вадиду, – Прибился к этой стае, не помню, сколько лет назад. Так что достаточно опаровозился.

– И что же нынче с вами случилось? – Димка встал посреди комнаты и картинно воздел руку кверху, – Вы были веселая и дружная семья, вам были чужды примитивные развлечения, как то – телевизор, телефон и прочее. Вы были любители активных игр. А теперь?!

– Димочка, – снисходительно ответила ему Елена Петровна, – Видишь, народ устал коллективно отдыхать, каждый жаждет индивидуального времяпровождения.

– Ленка, ну от тебя-то я как раз поддержки ожидал. Если бы народ мечтал уединиться, то разбрелись по всем имеющимся комнатам, благо их в доме хватает, а кое-кто и вовсе бы домой свалил. Так нет все – я подчеркиваю – все предпочли остаться тут. А это значит, люди готовы к совместным занятиям.

– Так, Борисов, я тебе не Ленка, а Елена Петровна, между прочим. И на счет совместных занятий – иногда, знаешь, это утомляет. А вот то, что все собравшиеся тут не разбежались, как ты сказал, по разным комнатам, а продолжают заниматься тем, что им нравится, но в обществе друг друга, это и говорит о прочных семейных связях.

– Ой, Елена Петровна, – передразнил ее Димка, – Еленой Петровной ты будешь после девятого января, когда каникулы закончатся. А для нас для всех ты просто Ленка, Леночка.

– Наталья, уйми своего мужа! – сурово сдвинула брови Елена Петровна.

Наташка оторвала взгляд от телевизора.

– Дима, сложившейся обстановкой довольны все, кроме тебя.

– А мне скучно...

– С этого и надо было начинать. Придумай себе занятие.

– Вот я возьму, и придумаю, – начал кипятиться Димка, – Придумаю! Назло вам! Я думал, что мы семья... Дружная семья... Всем на работе рассказывал, как мы замечательно праздники проводим. Нестандартно и без этого зомбоящика и разных гаджетов, – А я сейчас гулять пойду! – вдруг решил он.

– Не глупи, там темно и холодно, – ответила ему Наташка.

– А я замерзну и заблужусь. То есть сначала заблужусь, а потом замерзну, – ядовито парировал Димка, – Чтоб вам было потом стыдно.

– Так, друзья, что-то вы разошлись, – дед Василий, перестал напевать про своих скакунов и отложил сканворды, – А Димка-то ведь прав. Мы всегда находили, чем себя занять, а нынче что-то каждый в своем углу. Ну, я тоже виноват – Олеська мне подарок подарила, а я сразу им и занялся. Ох, люблю всякие головоломки словесные, да загадки отгадывать. Вот и не смог удержаться, за сканворды схватился. Так что давайте исправляться и придумаем, в какую игру поиграть.

– Дед, так ведь надоело все. Эти игры нами играны-переиграны, – зевая, ответила Наташка.

– Ну, давайте что-то новое придумаем, – не сдавался дед Василий.

– Ну, хорошо, придумывай! Ты ведь у нас массовик-затейник. Да еще Ленка. Ой, прошу прощения – Елена Петровна, – Наталья присела перед Ленкой в реверансе.

А Ленка энергично захлопала в ладоши (по своей учительской привычке):

– Так, я придумала. Давайте выберем ведущего. Или нет, не ведущего, а просто кого-то одного посадим, вот сюда, в середину комнаты, накроем ему голову, чтобы он ничего не видел. А потом каждый будет садиться перед ним, а остальные этого сидящего описывать – каждый какой-нибудь одной фразой. Но так, чтобы эта фраза точно характеризовала человека, но в то же время, явно не называя его.

– Ты, Лен, что-то усложняешь, – ответила ей Наталья. – Зачем накрывать? Можно просто завязать глаза платком, или чтобы ведущий отвернулся.

– Ну, просто так интереснее и смешнее.

– Хорошо, уговорила! – Наталья решительно поднялась, – Кого ведущим выберем? Я вот деда Василия предлагаю. Пусть отдувается, а?

Все дружно закричали, поддерживая и Ленкину идею, и Наташкиного кандидата. А Ленка быстро принесла небольшую белую скатерку, которой обычно был накрыт журнальный столик.

– Ой, а откуда это в ней две дырки? – удивленно спросила Наталья.

– Машка твоя поиграла, – усмехнулась Ленка, – Сказала, что это у нее фата со смотрелками.

– Что за фата со смотрелками? – не поняла Наталья.

– Объясню, – сдерживая смех, сказала Ленка. – Это – с Машкиных слов – фата, такая, как раньше у невест была. Ну, она в кино увидела – сидит невеста, это кажется, у мусульман так было – полностью фатой накрыта, и не видит, что происходит. Ни гостей не видит, ни жениха. А потом жених откидывает фату и целует невесту. Вот Машка и заявила, что невесте скучно сидеть, если ничего не видно, и ей надо смотрелки сделать. А потом она свою идею в жизнь воплотила. В роли невесты, конечно же она сама выступала. А на роль жениха выбрала деда Василия. А он оказался невнимательный жених, не наблюдал, какой невеста себе свадебный костюм готовит. А может, как раз правильно поступил – жениху вовсе не надо раньше времени невесту созерцать. Дед, как сегодня, предавался любимому занятию – кроссворды отгадывал. А Машка, как современная женщина, самостоятельно к свадьбе готовилась. Ему оставалось всего-то в час бракосочетания занять место рядом с невестой и на вопрос «Согласны ли вы взять в жены рабу божью Марию», сказать свое твердое «да».

После этой Ленкиной речи все собравшиеся покатались со смеху, а Машка, услышав, что говорят про нее, кокетливо улыбаясь, потупила глазки.

– А ты почему мне раньше про это не рассказала? – утирая слезы, спросила Наташка.

Ленка развела руками:

– Да как-то запамятовала. Она ведь чуть ли не каждый час что-нибудь да отчебучит, всего и не упомнишь.

Отсмеявшись, народ расселся на диване, а дед Василий сел на поставленный в центре комнаты стул. Ленка уже готова была набросить на деда фату со смотрелками, но Наталья вдруг воскликнула:

– Стоп! Надо не деда Василия посадить, а Вадика. Дед нас всех как облупленных знает, сразу вычислит. А Вадик нет. И ему полезно будет узнать нашу семью поближе, – добавила Наташка и хитро взглянула сначала на Вадика, а потом на Олеську. Олеська непонимающе свела брови, а потом вспыхнула вся. Вадик же с готовностью вскочил.

– Да, я согласен, давайте!

Первым перед Вадиком посадили деда Василия. Вопросы задавала Ленка.

– Перед тобой сидит человек, рожденный в стране, которой нет на карте.

– Мммм, – замялся Вадик, – Не могу ответить. Следующий вопрос.

Все присутствующие решили, что по условиям игры, если ведущий не отгадает с первой попытки, дать ему еще две, и Ленка, немного подумав, сказала.

– Перед тобой сидит тот, кто любит песни Газманова.

– Аааа, знаю, знаю, знаю! – Вадик аж подскочил, – Дед Василий любит Газманова! И, да, как я сразу не подумал, на счет страны – «Я рожден в Советском Союзе, сделан я в СССР», – пропел он.

– Тааааа, хорошо, следующий, – азартно протянула Ленка и подтолкнула к стулу Олеську.

– А вот этот человек сегодня, первого января, сделала то, чего никогда не делал в своей жизни.

Посыпались возгласы:

– Ого. Вот это вопрос...

– Ну, Вадик, держись.

– Ха, не отгадает!

Но Вадик думал всего-то с полминуты, а потом сказал тихо, но уверенно:

– Это Олесья. Она сегодня впервые слепила из глины слоника.

Все присутствующие взорвались аплодисментами.

Перед сном Олеська вышла на крыльцо. Захотелось глотнуть морозного воздуха, посмотреть на звезды. Она зябко куталась в курточку, запахивая ее по сильнее, но не спешила уходить. В душе росло странное чувство – было грустно и радостно одновременно. Сколько лет она отмечает Новый год в этом доме – не сосчитать. Да, пожалуй, почти столько, сколько лет ей самой. Новый год для нее всегда был связан с волшебством. И даже когда она выросла, ощущение волшебства в эту ночь не исчезло. Но нынче все было как-то не так. Предчувствие радости и чуда окутало ее словно коконом, она ощущала это во много раз сильнее, чем в детстве...

Скрипнула входная дверь. Олеська повернула голову и увидела, что на крыльцо вышел Вадик. Он, в отличие от Олеськи выскочил налегке, даже крутку не накинул.

– О, вот ты где? – А мы тебя потеряли.

На слове «мы» он будто споткнулся.

– Ты же замерзла! Пошли в дом.

Он взял ее руки в свои.

– Ледышки совсем.

Олеська смутилась, но руки не отняла. И неожиданно сказала:

– Представляешь, почти сутки Новый год. Не именно праздник – Новый год, а сам год, он новый, маленький еще, только родился. И живет целые сутки... – она смущенно замолчала, удивляясь сама себе, что говорит с Вадькой о таких нелепых и как будто глупых вещах, не боясь его насмешек.

А тот и не думал смеяться, серьезно посмотрел Олеське в глаза и продолжил ее мысль:

– Ну да, так странно – вот ребенок родится, или щенок, не важно, кто-нибудь, кто одушевлённый, и про них принято так думать – они живут на свете уже сутки. А про год никто так не говорит. А он тем временем живет. И скоро начнется следующий день. А потом жизнь понесется, не удержать. Но вот этот первый день – он какой-то особенный.

– Да особенный, – согласилась Олеська, – А вечер еще более особенный. Вечер первого января...

6 глава. Ревность

И в это утро Олеська проснулась от заглянувшего в окно солнца. Окно в ее комнате, выходило на восток, и первые лучи залетали в окно, играя на лице, вырывали Олеську из объятий сна. Никакого будильника не надо. Летом это было не очень удобно, приходилось вставать ни свет, ни заря, зато зимой бывало, она умудрялась просыпаться самостоятельно до восхода солнца. Но праздники, особенно новогодние, вносят некоторые коррективы в режим. Спать они всей компанией чаще всего отправлялись далеко за полночь, кроме Машки. А вот просыпалась Олеська обычно раньше всех.

Вообще-то, в любое время года самый первый вставал дед Василий. Задолго до рассвета. И почти сразу отправлялся на улицу – в лес, на речку. Смотря по сезону. А если погода подводила или не было достаточно интересных дел, дед снова ложился спать. Но, если не спал, по дому он, как говорила Ленка, «не шарашился» и остальным спать не мешал, торчал в своей мастерской.

Олеська вскочила с кровати легко, словно ей лет пять-шесть, как Машке. Будто и не было всех этих прожитых годков. «Ну, тридцать, это еще не предел», – часто повторяла Ленка. Особенностью женщин семьи Паровозовых было то, что они, по словам соседок «засиживались в девках». Но воспринималось это сестрами не как проклятие, а как божий дар – девицы Паровозовы с удовольствием жили для себя, путешествовали. Чаще всего по России, но в последнее время и за границу стали часто ездить. Обычно втроем, двоюродное родство не было проблемой для душевной близости. Но несколько лет назад Наталья вдруг выскочила замуж и родила Машку.

Ленка – Елена Петровна – совсем не переживала, что Наташка, несмотря на то, что младшая, ее в этом вопросе переплюнула. В свои сорок лет она была полностью согласна с героиней фильма «Москва слезам не верит» и считала, что ее жизнь, как и счастье, еще только начинается. Про детей она говорила, что их у нее и так много – целая школа. С кавалерами тоже проблем не было. Поэтому замужество, по ее мнению, это вовсе не предел мечтаний. Олеська всегда с нежностью думала про своих двоюродных сестер. И с Ленкиным мнением на счет возраста и замужества была тоже полностью согласна. Ей-то еще всего лишь тридцать! Впрочем, Наташке столько же было, когда она встретила Димку.

Мысли Олеськи метнулись во вчерашний день, и особенно вечер. Странное поведение Вадика... Какой-то он сам на себя не похожий. Еще 31-го как обычно себя вел – шутил, прикалывался, изводил ее, Олеську, придирками и подколами. А потом его словно подменили. И этот новый Вадик нравился Олеське гораздо больше. Конечно, неприязни к старинному другу-недругу она никогда не испытывала. Ну, ведет себя, как шут гороховый, и ладно. Иногда отмахивалась от него, как от надоедливой мухи. Но к такому Вадиду, каким он показался ей вчера, Олеська испытывала что-то вроде нежности. Интересно, а сегодня он себя как покажет?

Олеська с удовольствием пробежалась босиком по прохладным доскам пола, подошла к окну, отодвинула легкую тюлевую занавеску и выглянула в сад. Едва вставшее над горизонтом солнце светило бледно розовым светом из-за раскидистых, припорошенных снегом старых яблонь. А сугробы в тени казались голубыми-голубыми. Дорожка была почищена, а это значит, что дед Василий встал давным-давно. Интересно, где он сейчас – в доме или в лес ушел?

Олеське очень захотелось его увидеть. И не просто увидеть, а пообщаться с ним наедине, посидеть вдвоем на кухне, выпить чашку кофе. В эти праздничные дни Олеське казалось, что дед Василий хочет ей что-то сказать. Но не при всех, а один на один. Но если ей это всего лишь показалось, то просто пообщаться с дедом всегда было интересно.

На кухне Олеська обнаружила одну Машку. Девочка была еще в пижаме, волосешки спутаны, но на голове красовались огромные наушники. Машка стояла спиной к двери,

и не видела, как вошла Олеська, а услышать шаги ей помешали эти самые наушники. Олеська с удовольствием понаблюдала за своей племяншкой. Машка изображала из себя поп-звезду. В правой руке она держала деревянную толкушку. Которую Ленка использовала, когда делала пюре. По всей видимости, толкушка заменяла Машке микрофон. Лево́й же рукой Машка активно работала – поднимала кверху, описывала круги, изящно ставила на бедро или же прикладывала к голове. Ноги тоже двигались в такт неслышимой музыке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.